ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Орган Министерства культуры СССР и Центрального Комитета профессионального союза работников культуры

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

№ 85 (1889)

1965 год
20 ВТОРНИК. ИЮЛЯ
Цена 3 коп.

25 ЛЕТ

ПРАЗДНИК СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ

25 ЛЕТ

ИСПОЛНИЛОСЬ двадцать пять лет со дня восстановления Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии и вхождения их в состав Союза Советских Социалистических Республик. На этот замечательный праздник народов Советской Прибалтики прибыли: в Литовскую ССР — член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС **М. А. Суслов**; в Латвийскую ССР — член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР **А. Н. Косыгин**; в Эстонскую ССР — член Президиума ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР **А. И. Микоян**. Трудящиеся Советской Прибалтики радушно встретили также делегации всех республик Советского Союза, делегации городов-героев, передавших им горячие поздравления и подарки по случаю знаменательной даты, многочисленных советских и зарубежных гостей юбилейных торжеств.

Отмечая большие успехи, достигнутые литовским, латышским и эстонским народами, и в связи с 25-летием восстановления Советской власти в прибалтийских республиках Президиум Верховного Совета СССР наградил Литовскую ССР, Латвийскую ССР и Эстонскую ССР орденами **Ленина**. Товарищи М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян вручили эти высокие награды на торжественных заседаниях, состоявшихся в столицах республик-юбиляров — Вильнюсе, Риге и Таллине. Они огласили также приветствия Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в адрес ЦК Компартий, Президиумов Верховных Советов, Советов Министров Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, всем трудящимся этих республик. Товарищи М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян выступили на торжественных заседаниях с речами. Вся Советская страна была участником этих торжеств, они транслировались по Центральному радио и телевидению. С огромным воодушевлением на торжественных заседаниях были приняты приветственные письма Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров СССР.

Обширна и торжественна была программа славного праздника.

В ВИЛЬНЮСЕ состоялось грандиозное шествие трудящихся на Антакальнисское военное кладбище. Оно прошло через весь город и тем, чей прах покоится на литовской земле и чей ратный подвиг в борьбе с фашизмом никогда не забудет благодарный народ. На кладбище торжественно прозвучала симфония композитора В. Кловы, созданная к юбилейной дате. К надгробиям были возложены венки и цветы. Хор Комитета по радиовещанию и телевидению исполнил песню «Не плачьте у гроба отважных друзей» на стихи литовского пролетарского поэта Ю. Янониса. Красочно прошел в Вильнюсском парке грандиозный митинг и юбилейный праздник песни, на который съехались более 30 тысяч лучших певцов, танцоров, музыкантов, он продолжен был в воскресенье на Центральном стадионе города. ЦК КП Литвы, Президиум Верховного Совета и Совет Министров республики устроили прием. Товарищ М. А. Суслов, руководители Компартии Литвы и правительства, многочисленные гости посетили деревню Пирчюпис, о злодеяниях фашистов в которой во время Великой Отечественной войны знает весь мир. Сейчас на старом пепелище — новая благоустроенная деревня, а о трагедии военного времени сурово напоминает монумент «Мать» — скульптурная работа лауреата Ленинской премии Г. Иокубониса.

МНОГОТЫСЯЧНЫЙ митинг трудящихся и праздник песни и танца состоялись в субботу в Риге. На них присутствовали товарищ А. Н. Косыгин, руководители партии и правительства республики. Они посетили также завод «ВЭФ». В воскресенье тысячи людей собрались на братском кладбище, где похоронены борцы, павшие в боях за счастье народа. Сюда прибыли товарищ А. Н. Косыгин, руководители Компартии Латвии и правительства республики, многочисленные гости. Состоялось возложение венков. Затем кортеж направился на кладбище Я. Райниса, где были возложены венки к памятнику народного поэта. Завершением юбилейных торжеств был большой спортивный праздник на центральном стадионе «Даугава», в котором участвовали 10 тысяч физкультурников. Вечером ЦК КП Латвии, Президиум Верховного Совета и Совет Министров Латвийской ССР устроили прием.

ПЕСНИ дружбы и братства звучали дотемна в субботу над праздничной столицей Эстонии Таллином. Композитор Г. Эрнесакс написал к юбилею кантату «Песня, раскрой крылья». Исполнялись также песни о великом Ленине, о дружбе народов нашей страны, которая помогла Эстонии добиться выдающихся успехов в развитии своего народного хозяйства и культуры. На празднестве присутствовали товарищ А. И. Микоян, руководители партии и правительства республики, делегации братских союзных республик и зарубежных стран. Товарищ А. И. Микоян вместе с руководителями партии и правительства республики посетили выставку «25 лет Советской Эстонии», побывали в одном из крупнейших рыболовецких колхозов — артели имени Кирова. В Таллине на заключительном концерте республиканского праздника песни было около 200 тысяч зрителей. ЦК КП Эстонии, Президиум Верховного Совета и Совет Министров республики устроили прием в честь славного юбилея.

1. Праздник песни и танца в Вильнюсе, посвященный 25-летию восстановления Советской власти в Литве. Выступление танцоров.

2. Праздник песни в Риге, посвященный 25-летию восстановления Советской власти в Латвии. Выступают участники самодеятельного ансамбля.

3. Праздник народного творчества на стадионе имени Комсомола в Таллине, посвященный 25-летию восстановления Советской власти в Эстонии.
Фото ТАСС.

IV МОСКОВСКИЙ · 1965 · ФЕСТИВАЛЬ ФИНИШИРУЕТ

— Я ПОНИМАЛ, что этот день когда-нибудь придет, но я не думал, что он наступит так скоро, последний день IV Международного, — с грустью говорит Радж Капур.

Сегодня завершается двухнедельный смотр киноискусства мира. Сейчас, когда вы читаете эти строки, ведутся последние разговоры на заседаниях жюри, во Дворце съездов готовят сцену уже не к очередному конкурсному просмотру, а к торжеству закрытия, в номерах гостиницы, в вестибюле, на улицах — последние торопливые встречи друзей, еще не успевших наговориться, доспорить... Последние вопросы журналистов на пресс-конференциях.

...Время неумолимо ведет к расставанию. И, наверное, поэтому последние дни так богаты самыми разнообразными событиями.

Пожалуй, самое значительное из них — показ советской конкурсной ленты «Война и мир».

Зрительный зал Дворца съездов переполнен. Собственно, он полон каждый вечер, но такого количества зрителей не собирала еще ни одна картина.

И фильм оправдал ожидания зрителей. Это стало понятным еще во время просмотра, когда много раз звучали аплодисменты по поводу отдельных кадров и эпизодов, это подтвердилось и после просмотра в многочисленных восторженных отзывах, звучавших на всех языках мира.

Огромный интерес к нашим конкурсным фильмам «Война и мир» и «Отец солдата» проявили журналисты на пресс-конференции, которая проходила на следующее утро. Советская делегация была просто атакована потоком вопросов. Интересовало все: методы работы режиссера с актерами, творческие планы С. Закариадзе и Л. Савельевой, техника съемки батальных сцен, перспективы развития кино Грузии, шифры, характеризующие масштабы постановки «Войны и мира»... И еще долго после того, как встреча была официально закончена, длился этот разговор.

В наших фестивальных репортажах уже не раз рассказывалось о пресс-конференциях делегатов кинофорума. Эти традиционные на каждом мировом киносмотре встречи с журналистами приобрели здесь, в Москве, совсем особый оттенок.

Не погоня за сенсацией, не личная жизнь кинозвезд, а перспективы развития киноискусства страны, эстетические привязанности режиссеров и артистов, их творческие планы и желания интересуют журналистов.

Серьезный и высокий уровень разговора на этих встречах с удовлетворением отмечают все делегаты. И, думается, если после фестиваля собрать воедино материалы этих пресс-конференций, возникнет прекрасная книга о современном состоянии кинематографии мира.

Это подтвердилось снова и в субботнее утро, когда, кроме советской делегации, на вопросы представителей печати отвечали делегаты Турции и Испании.

Вообще субботу 17 июля можно назвать днем творческих встреч. Чтобы успеть выполнить всю задуманную программу, участникам фестиваля пришлось в этот день разделиться на несколько групп. Их ожидали встречи по профессиям.

Центральная студия документальных фильмов принимала своих зарубежных коллег. За прошедшие дни смотра короткометражных картин их авторы смогли достаточно подробно познакомиться друг с другом, понять творческие особенности, принципы работы. Теперь в долгой искренней беседе они обсуждали пути дальнейшего развития кинодокументалистики. И, право же, строгость оценок здесь была ничуть не меньшая, чем на закрытых заседаниях жюри, где решалась судьба золотых медалей.

В этот день встретились мастера научно-популярного кино, мультипликаторы, киноактеры...

Многих зарубежных кинематографистов привлекла возможность поездки во ВГИК.

Однако неумолимая программа — этот закон фестивальной жизни — прерывает встречи в самом разгаре и зовет гостей кинофорума во Дворец съездов к конкурсному экрану. В последний раз занимают свое место в амфитеатре члены жюри для того, чтобы увидеть индонезийский фильм «Ничейная земля», кубинскую картину «Один день в моем дворе» и итальянскую «Они шли за солдатами». Последние три фильма — они заключают конкурсный киномарафон.

Но, пожалуй, самый большой успех выпал в этот вечер на долю картины, показанной, так сказать, сверх программы. Этот фильм — дипломная работа М. Богина «Двое». Он соревнуется по разделу короткометражных лент. Об этой картине особенно подробно говорил известный венгерский режиссер, член жюри фестиваля Золтан Варкони: «Пожалуй, в короткометражном фильме Богина с особенной силой раскрылась гуманистическая сущность Московского фестиваля. Я рад, что имею право говорить об этой картине, ведь она идет не по моему ведомству. Мы все, все «большое» жюри, аплодировали таланту молодого режиссера, мы все еще раз убедились, как важен в искусстве талант, который направлен на разрешение благородной, глубоко человечной идеи. Богин очень коротко говорил перед показом своей картины. Но он очень многого добился этим фильмом. И чем больше приходит в искусство людей созидающих, а не декларирующих свои позиции, тем значительнее будут наши достижения».

Мы беседуем с Золтаном Варкони на борту теплохода «Иван Сусанин» солнечным воскресным утром, таким редким среди дождливых дней июльской Москвы. В это утро не было пресс-конференции. В это утро фестиваль отправился на двух теплоходах по каналу имени Москвы.

Накануне прощания со столицей гости совершили эту увлекательную поездку, которая вписала новые, яркие впечатления в пестрое разнообразие праздника. Музыка и песни, песни всех стран мира плыли вместе с теплоходами. Казалось, забылся напряженный ритм минувших дней...

А в это время в Москве начинался еще один фестиваль — традиционный День кино. Он проводится в восьмой раз и четвертый раз совпадает с международным кинофорумом.

На афише ЦПКиО им. Горького — программа праздника. Интересное ожидало повсюду. В этот день в парке ни на миг не пустовала ни одна специческая площадка.

На просторной сцене Зеленого театра собрались крупнейшие кинематографисты мира. Шеститысячный зал аплодирует давно знакомым и любимым мастерам кино.

После вступительных слов заместителя председателя Исполкома Моссовета Н. Сизова и председателя Госкомитета Совета Министров СССР по кинематографии А. Романова к собравшимся обращаются Л. Кулиджанов, Б. Андреев, киноактриса из ДРВ Мин-Дык, венгерский режиссер Золтан Фабри, писатель Джеймс Олдридж, киноактеры Радж Капур, Марина Влади. Здесь и только приехавшая на фестиваль героиня фильма «Брак по-итальянски» Софи Лорен...

И хотя их творческий отчет в этот день не здесь, а во Дворце съездов и официальных судей у них всего тринадцать членов жюри, все они понимают, что успех произведения решают в конечном итоге те, кто собрался сегодня в зале Зеленого театра.

Это от их имени, от имени многомиллионной армии кинозрителей, выступил молодой слесарь автозавода им. Лихачева И. Фомин. Он говорил о благородном труде кинематографистов, об их роли в деле воспитания человека, в деле укрепления дружбы между народами.

Он обращался не только к тем, кто сидел на сцене. Ведь большинство делегатов и гостей фестиваля находилось в зрительном зале, вместе с москвичами.

Это был редкий для кинематографистов вечер, когда не в темноте кинотеатра, а в непосредственном, дружеском общении смогли они понять, почувствовать устремления своих зрителей.

...Сегодня — последний день фестиваля. Сегодня вечером, в Кремлевском Дворце съездов жюри подведет итоги смотра, наградит победителей.

Но независимо от списка награжденных уже сейчас очевидно: фестиваль, девиз которого — «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами», — выполнил свою программу полностью.

Е. СЕМЕНОВ.

На палубе фестивального теплохода «Иван Сусанин». Соревнуются в русской пляске турецкая певица Ручхан Чамай и советская артистка Клавдия Хабарова.

Итальянская киноактриса Софи Лорен среди гостей Московского дня кино в Зеленом театре ЦПКиО имени М. Горького.
Фото А. ТРОШИНА.

«ЧАЙКА»

РАННЕЕ утро. Обычная погода — мелкий прибалтийский дождик, плащи, разноцветные зонтики в руках женщин, черные — у мужчин. Семь часов. От перрона вокзала Таллин — Балти отходит синяя «Чайка» — быстроходный поезд, связавший столицы трех республик-сестер. В окнах вагона поворачивается, демонстрируя в последний раз свои красоты, древний Тоомпеа; торжественно, словно на параде, проходят мимо гигантский шпиль Олевисте и крепостные башни Нижнего города. А вот и последняя таллинская достопримечательность — валуи, что предназначался Линдой на могилу Калева. Он — в озере Юлемисте, по легенде, наплаканном вдовой героя. И потянулась плоская равнина с висящими над нею серыми слоистыми тучами.

Как, в сущности, уныл север Эстонии, как любят эту землю эстонцы! Они многим обязаны ей. На каменистых полях, часто отделенных друг от друга стенами валунов, рождался характер народа, выковывались его трудолюбие, упорство в достижении цели, любовь к прекрасному. Может быть, последнее утверждение покажется читателю парадоксальным! Унылая северная равнина и «прекрасное».

Вспомните яркость национальных костюмов и то органичное чувство колорита, что воспитано в каждом одаренном человеке серебристым мерцанием моря, «прозрачным сумраком» белых ночей, тончайшими полутонами восходов и заходов... В общении с суровой природой складывались художественные вкусы народных мастеров, умевших извлечь из скупых красок своей родины удивительно богатые формы, изысканные цветовые сочетания.

Пассажиры «Чайки»... Присмотримся к ним. Пожилая эстонка с вязанием и клубками шерсти на коленях. Очевидно, будет свитер внучке. Внучка рядом — расплющила носик об оконное стекло.

Коренастый парень в солдатском мундире с набором значков классного армейского специалиста. Хуго не видел Эстонии полтора года. Едет к родным на побывку. Спрашиваем, скучал ли. Он принимает этот вопрос с завидной рассудительностью. Да, конечно, первое время даже тосковал, но он рад, что увидел берега Тихого океана, что служба открыла перед ним просторы огромной страны, дела отличных товарищей...

В креслах перед нами группа молодых людей. Над ними в сетках — круглые форменные шапочки с лакированными козырьками. Студенты. Все три часа пути до Тарту они вполголоса спорят над сборником стихов Деборы Вааранди.

А коломенский тепловоз увлекает «Чайку» все дальше и дальше на юго-запад. Небольшая остановка в Валге, и мы на территории Латвии. Меняется характер пейзажа. Холмы, поросшие лесом, озера, в зеркале которых отражаются прекрасные высокие облака, желтеющие нивы, могучие великаны-дубы.

За кромкой леса — могучие заводские трубы. Наш попутчик, ленинградский инженер, стал собираться. Через несколько минут мы прощаемся. Его путешествие закончилось в Валмиере, где в нынешней семилетке возведен мощный комбинат стекловолокна.

И снова в путь. На этот раз — под переборы гитары и звонкие студенческие песни. Свои вокальные способности пассажирам щедро демонстрируют литовские спортсмены. Они сели еще в Тарту, где состязались на кортах университета с местными мастерами ракетки. Когда пересекли Даугаву и башни рижских колоколен оказались позади, выяснилось, что у студентов есть соперники — хор текстильщиц, выехавший по любезному приглашению своих коллег на гастроли в Литву. И мы услышали задушевную и торжественную песню «Вей, ветерок» и признали в латышках мастеров вокального искусства. Попутчики осаждали рижанок просьбами спеть еще и еще. Так хор исполнил весь свой репертуар — это был чудный концерт в мчащемся через изумрудное Земгале «зале»; аккомпанировал хористкам мягкий перестук колес.

Поезд медленно подошел к дебаркадеру Шяуляйского вокзала. Прощайте, веселые ребята с гитарой, большого успеха вам в Литве, рижанки. «Чайку» ждут в Вильнюсе.

Кажется, опять ни одного свободного места! Почему многие пассажиры столь не по-дорожному элегантны, нарядны? Впрочем, ничего удивительного: наша поездка завершалась в канун праздника. До столицы республики — сравнительно недалеко. В Вильнюсе собирались сводные хоры, оркестры, целые батальоны танцоров. И Шяуляй посылал на праздник своих гвардейцев самодеятельного искусства...

«Чайка» пронесла нас через три республики. В окнах вагона менялся пейзаж, мелькали древние города и совсем новые кварталы, менялись попутчики, звучала эстонская, латышская и литовская речь.

Мы пересекли две границы. Но ничто не разделяло людей, населяющих эти земли. Они жили в одной стране — в стране мира, братства, взаимного уважения к национальной культуре каждого народа.

М. ИГНАТЬЕВА,
О. ИВАНОВ.
(Наши спецкоры).

ТАЛЛИН — РИГА — ВИЛЬНЮС.

• новости ск • по советскому союзу • новости ск • из-за границы • новости ск •

ПУТЕШЕСТВУЕТ ВЫСТАВКА

НОВОСИБИРСК. (По телефону). **В залах картинной галереи открылась передвижная групповая выставка произведений членов Академии художеств СССР.**

Отсюда начинается ее путь по стране. В Новокузнецке, Омске, Тюмени и других городах побывает эта выставка, на которой представлено около 180 произведений художников.

ПОЕЗД КУЛЬТУРЫ

КУРСК. (Наш внешт. корр.). **По железнодорожным путям области путешествует поезд, который составляют вагон-картинная галерея, вагон-музей и вагон-клуб.**

Курская картинная галерея выставила копии произведений, а курский областной краеведческий музей — подлинные экспонаты, которые рассказывают о природе, истории области.

За первые две недели пути только в вагоне-музее было прочитано 69 лекций. Обслужено уже 7.550 жителей пристанционных сел и поселков.

ОДЕССКИЙ ТЕАТР РЕСТАВРИРУЕТСЯ

ОДЕССА. (ТАСС — «СК»). Началась реставрация знаменитого здания оперного театра, построенного в Одессе в 1883—1887 годах по проекту венских архитекторов Ф. Фельнера и Г. Гельмера.

Эту работу осуществят мастера, прославившиеся на реставрации Эрмитажа и Исаакиевского собора в Ленинграде. Они выполнят в зрительном зале, вмещающем более 1.700 зрителей, в фойе и вестибюлях тонкие ювелирные работы. Художники вернут прежний блеск четырем картинам на фоне потолка, изображающим сцены из пьес Шекспира «Гамлет», «Сон в летнюю ночь», «Зимняя сказка» и «Как вам это понравится» работы австрийца Ле Флера.

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

ЛОНДОН. («СК»—ТАСС). **Здесь открылась выставка «Сохранность и реставрация памятников архитектуры в СССР».**

Выставка организована Союзом архитекторов СССР по предложению Общества культурной связи с Советским Союзом. На открытии выставки присутствовали министр культуры СССР Е. А. Фурцева и посол СССР в Великобритании А. А. Солдатов. Цель выставки — познакомить англичан с замечательными творениями народов нашей страны и продемонстрировать методы сохранения памятников архитектуры. После Лондона выставка будет показана в Ковентри и в других городах Англии.

ГОЛУБОЙ ЭКРАН В АФРИКЕ

АККРА. (ТАСС—«СК»). **В Гане будет создано 300 общественных телевизионных установок, сообщила директор Ганского телевидения Ширли Дюбуа в связи с предстоящим 31 июля открытием Ганского телевидения.**

Голубые экраны будут установлены в университетах, в культурных центрах городов и районов страны. Дюбуа подчеркнула, что Гана будет обмениваться телевизионными программами со всеми дружественными странами.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ФИЛЬМОВ

БУДАПЕШТ. («СК»—ТАСС). **Здесь проходит творческая встреча создателей телевизионных фильмов социалистических стран.**

В ней принимают участие делегации драматургов, критиков и режиссеров из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Советского Союза, Чехословакии и Югославии. Состоялись показы телевизионных фильмов, после просмотра кинофильмов прошло обсуждение жанровых и эстетических проблем. Основная тема дискуссии — киноискусство и телевидение.

25 лет со дня восстановления Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии

СОДРУЖЕСТВО МОГУЧЕГО ТРУДА

Панно эстонского живописца Л. Микко «Море».

Фото К. ЛИИВА.

ПОРА ЦВЕТЕНИЯ

Беседа с Председателем Президиума Верховного Совета Литовской ССР
Ю. ПАЛЕЦКИСОМ

Вканун всенародного праздника трудящихся Советской Прибалтики наш специальный корреспондент М. Игнатьева обратилась к Председателю Президиума Верховного Совета Литовской ССР тов. Ю. И. Палецкису с просьбой рассказать, какие коренные преобразования произошли в жизни республики за двадцатипятилетие Советской власти, как изменился духовный облик, духовный мир литовского народа.

— Я мог бы ответить на вопросы очень кратко: свершилось чудо в хозяйстве, в экономике, в культуре. Правда, чудо всегда подразумевает внезапность и неожиданность превращений, а наше чудо вызревало в борьбе и труде. За два с половиной десятилетия из края нищеты, неграмотности, бесправия Литва превратилась в цветущую республику. Какую бы область хозяйства или культуры ни взять, сравнительные данные выльются в «астрономические» показатели.

Сейчас уже трудно себе представить, что всего 25 лет назад в республике было около 400 тысяч неграмотных и малограмотных. Подумать только, 400 тысяч! Впрочем, чему удивляться: детишки ходили в школу одну-две зимы и бросали — родители отдавали их в пастухи и батраки. Даже объявленный буржуазным правительством закон о всеобщем шестилетнем образовании оставался лишь скрепленной печатью фикцией — не было ни помещений, ни других возможностей. Даже до 4-го класса и то дотягивали не многие, а самое главное—под безграмотность народа подводилась «теоретическая» база: «Зачем Литве гимназисты и гимназистки? Нужны пастухи и батраки!» — утверждали в фашистском сейме. Батраков оказался излишек, и они бродили в поисках работы.

А вот наши нынешние показатели: двенадцать тысяч выпускников средних школ в год. Внушительно? Вообще в республике учится каждый пятый житель, в вузах насчитывается 42 тысячи студентов, то есть на десять тысяч населения приходится 147 студентов — это в несколько раз больше, чем в Англии, Франции, США.

Недавно я просматривал прессу, и мне попалась на глаза статья, датированная 1924 годом, в которой автор перепуган слишком большим наличием интеллигентов в Литве, — около тысячи (!). Что будем делать?—недоумевает автор. Когда же через несколько лет цифра возросла до 4.000, паника началась и среди самих представителей умственного труда: «Как найдем себе применение? Чем займемся? Дайте нам хоть какую-нибудь работу — хоть землю копать!» — взывали некоторые из них в страхе.

А нас что-то совсем не пугает «затоваривание» специалистами. Напротив: имеем 124 тысячи специалистов с высшим и средним образованием в Советской Литве — мало, не хватает. Выпустили только из Каунасского политехнического института 800 инженеров в нынешнем году (да, между прочим, в буржуазное время за 20 лет в Литве было обучено 303 инженера!) — постараемся увеличить со временем эту цифру.

Из отсталой Литвы мы стали «читающей республикой», так нередко называют нас наши зарубежные гости. Да, пожалуй, по праву наградили они нас таким эпитетом: свыше 12 миллионов экземпляров книг издается за год, 70 с лишним газет, 20 с лишним журналов. И вправду, есть что читать и, самое главное, есть кому читать!

Иногда я вспоминаю, как в буржуазной Литве прогрессивно настроенные люди мечтали о каких-то преобразованиях, искали выхода, как избавиться от существующей несправедливости. Собирались, строили планы. А потом из разных течений все слилось в один неудержимый, бурный поток, в борьбу передового коммунистического фронта. И, конечно, победа в 1940 году вызревала во всей этой борьбе.

Победа в 1940 году!.. Но сколько еще хлебнула горя вместе со всей страной наша республика в войне. Тысячи и тысячи жизней унесла она, тысячи судеб искалечила. Нам, народам Советской Прибалтики, было особенно трудно — не успели стать на ноги, окрепнуть, и снова потери, разрушения. Однако литовский народ крепок, вынослив, мужествен.

Да, трудным путем мы пришли к весеннему цветению свободной жизни, но зато каким бурным темпом развития ознаменовались послевоенные годы. По существу, все наши достижения осуществлены за этот период. Значит, еще стремительнее преобразовывалась литовская земля, значит, опять свидетельство хозяйственного и культурного чуда.

Между прочим, заокеанские литовские националисты, потакая поджигателям холодной войны, пытаются зачеркнуть наши успехи: де, мол, мы только кричим о завоеваниях республики и заставляем кричать «ура» наш народ. А на самом деле...

На самом деле им даже и не снилось, как изменилась, похорошела, разбогатела Советская Литва. Мы не только преобразили городской и сельский пейзаж, сделав его воистине индустриальным, мы вырастили на плодородной литовской земле нового человека, несравненно более духовно богатого и щедрого. Враги говорят: мы слишком много произносим лозунгов. Однако они не только произносятся, они претворяются в жизнь. Сколько за послевоенное время осуществлено лозунгов: ликвидировать отсталость, ликвидировать неграмотность, повысить жизненный уровень. Электричество — селу! Технику — селу! Книгу — селу! Культуру — селу! Сделали, все сделали. Потому и сумели вырастить нового человека, что не бросали на ветер слова.

Кому-то мечталось видеть литовцев батраками и пастухами, а они стали народом, воспитавшим известных писателей, музыкантов, художников, ученых, своих специалистов для промышленности и сельского хозяйства, деятелей культурного фронта.

А чего стоит армия самодеятельности в республике в 300 тысяч участников. Это же не шутка—300 тысяч, каждый десятый житель! Самодеятельность стала повседневной бытовой потребностью сельских и городских жителей. Я в течение последних полутора месяцев шесть раз подряд — все воскресенья — ездил в районы на праздники песни. Грандиозное зрелище! До полутора—двух тысяч исполнителей бывает на таких праздниках — танцоры, певцы, духовые и эстрадные коллективы, деревенские инструментальные капеллы, агитбригады.

Сейчас у нас очень расширился возрастной цикл участников самодеятельности — буквально мал и стар приходят в коллективы. Недавно в Алитусе я видел участницу танцевального коллектива, которой 78 лет, а оркестранта 75-летнего. Или 80-летний трубач Лукаускас: он еще служил в придворной капелле князя Огинского, а сейчас — активнейший организатор самодеятельности на селе, руководит хором, сам играет в оркестре. Только люди счастливые, люди свободные и страстно влюбленные в жизнь способны на такое! Да, вот еще один энтузиаст самодеятельного искусства — представитель старшего поколения, руководитель в одном из сел танцевальной группы, 70-летний Люткус. Посмотрели бы вы, как он отплясывает кадриль и с какой увлеченностью обучает других.

Очень радуются искусству в нашей республике люди, очень тянутся к нему. Уже в восьмой раз проводится Жемайтийский фестиваль близ озера Плателей. Рядом — чудотворное место, куда всегда стекалась масса народа, уповавшего на волю божию и на милость божию. Теперь уже там не много осталось фанатиков. Значительное большинство перетянул к себе праздник, фестиваль искусства.

Мы, естественно, считаем это одним из завоеваний на фронте атеистической пропаганды. Нам это очень важно, ибо религия очень долго и очень упорно насаждалась в народе, насаждалась с детства. Ведущей фигурой в школе был ксендз — самым главным лицом. И сразу освободить людей от пут мракобесия очень трудно. Тут еще нужна работа и работа, хотя сдвиги, повторяю, большие.

И в образовании, школьном образовании, мы не можем сказать, что всего достигли. Количественно по сравнению с 1940 годом сделали рекордный скачок. У нас есть силы, есть возможности, есть желание добиваться и еще больших качественных преобразований.

Сегодня, в юбилей, мы подводим итоги, суммируем и оцениваем пройденный отрезок нашей жизни. Но это ведь только стартовая площадка, взвившись с которой мы будем завладевать новыми и новыми высотами в борьбе за торжество коммунистических идеалов.

ПЕРВЫЙ В ЛАТВИИ

В Риге состоялось открытие первого в республике широкоформатного кинотеатра «Палладиум».

Без малого 950 зрителей могут одновременно просмотреть фильмы, демонстрируемые в его зале.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

А. ВОСС,
секретарь ЦК КП Латвии

В ПРИБАЛТИКЕ есть город, судьба которого в высшей степени примечательна. Он основан в конце XVI столетия на речке Педеле — границе, разделявшей земли эстонцев и латышей. Первые зовут его Вилгой, вторые — Валкой. Город считался одним из самых захолустных в прибалтийских губерниях царской России. Но на рубеже прошлого и нынешнего столетий Валка стала преуспевать — резко увеличилось ее население, строились новые дома. Жизнь дала проведенная сюда железная дорога, узловая станция. Возник большой и сплоченный коллектив рабочих-железнодорожников. В штормовом 1917 году в городе существовала крупная социал-демократическая организация с тремя секциями—латышской, эстонской и русской. Ничто не разделяло товарищей по борьбе.

Нынче мы говорим о 25-летии восстановления Советской власти. Она была провозглашена в начале 1919 года, но просуществовала недолго. Буржуазия, поддерживаемая империалистами Антанты, временно одержала верх. С уходом красных латышских стрелков националисты постарались разрушить те отношения братства и дружбы, что связывали латышей с их соседями. Яблоком раздора стал город Валка. Речушка Варжупите, шириной всего в два шага, разделила город на две части. Ее высокопарно именовали «рекой судьбы». И в самом деле, немало бед и горестей принесла жителям Валки искусственная граница.

Сегодня молодежь Валки с изумлением узнает, что вдоль берегов Варжупите шагали столбы, несущие колючую проволоку. Валку и Валгу соединили узы братства, совместных общественных, хозяйственных и культурных интересов.

ПРОШЛОЕ и настоящее Валки глубоко символично. В условиях буржуазного владычества, фашистской диктатуры Ульманиса Латвия, как и Валка, прозябала на задворках капиталистической Европы, все более и более превращаясь в аграрный придаток ее развитых в промышленном отношении стран. Безудержная проповедь национализма несушала душу народа, обрекала его на духовную и культурную изоляцию, буржуазия поощряла и теоретически «обосновывала» необходимость такой замкнутости.

В эти дни мы отмечаем 25-летие Советской власти в республике. Осмысляя путь Латвии за минувшие четверть века, можно смело сказать, что по масштабам и широте исторических перемен, свершенных в этот сравнительно короткий срок, эти 25 лет не имеют себе равных в истории латышского народа. И главный итог пройденного пути состоит в том, что на той части побережья Балтики, которую латыши называют янтарной землей, окончательно и бесповоротно восторжествовал социалистический строй, успешно строится коммунизм. Древняя земля изменила свой лик, вырос новый человек.

Что же дало силы трудовой Латвии совершить такой подвиг? Она черпала их в нерушимой дружбе, сотрудничестве и братской взаимопомощи народов нашей страны; свершенный подвиг — результат замечательных, поистине исторических побед ленинской национальной политики Коммунистической партии. Вот почему в дни торжеств мы выражаем чувства горячей признательности народам-братьям и прежде всего русскому народу за ту неоценимую роль, что сыграл он в исторических судьбах Латвии, за его помощь, постоянно оказываемую нашей республике.

Дружба латышей и русских возникла много веков назад. Уже в те времена началось общение народов, уже тогда дружины русских витязей сражались вместе с нами, против иноземных завоевателей. И эта традиционная дружба наполнялась новым содержанием, когда на историческую арену вышел самый революционный класс — пролетариат. Имя Ленина стало знаменем рабочих Риги и Лиепаи, с деятельностью великого вождя связаны формирование и боевая закалка марксистской партии Латвии. В революционную историю нашей Родины навеки вошел подвиг латышских стрелков, гвардейцев революции, покинувших родину, чтобы вернуть ей свободу на полях сражений Украины, России, Сибири. Исторически сложившаяся, закаленная в революционных боях дружба латышского и русского народов подтверждена и упрочена в битвах Великой Отечественной войны. Наследники славы их отцов — бойцы латышского стрелкового корпуса — сражались под Москвой, Старой Руссой, освобождали Латвию. Они сражались плечом к плечу с бойцами других национальностей. За подвиги, совершенные на территории нашей республики, свыше двухсот воинов и командиров, родившихся за ее пределами, удостоены звания Героев Советского Союза.

В ЛЮБОЙ области промышленности, сельского хозяйства, науки мы отыщем убедительные доказательства исключительно тесного и плодотворного сотрудничества с другими народами страны серпа и молота. Не менее красноречивые факты свидетельствуют о том обогащении, что приносит латышской культуре ее общение с культурами братских народов СССР и в первую очередь русской. Мы свидетели взаимопроникновения и взаимообогащения в области литературы, изобразительного и прикладного искусства, театра, кинематографа, музыки.

В минувшую четверть века латышское искусство жадно вбирало в себя все то ценное и полезное, что могли предоставить ей в Москве, Ленинграде, в столицах братских республик, в университетских центрах нашей страны. По сути—это история непрерывного обогащения новыми чертами, сообщившими ей большую широту и, конечно, демократичность. Каким эпизодом начнут ее будущие историки? Возможно, они вспомнят, что сразу после установления Советской власти в 1940 году было принято решение провести в 1941 декаду латышского искусства в Москве. Театр оперы и балета готовил для показа в столице оперу А. Калныня «Банюта» с новым, светлым финалом, созданным композитором вместо прежнего, трагического. На помощь режиссеру Я. Зариню и дирижеру Т. Рейтеру пришли московские мастера искусств — Н. Охлопков, А. Гаук, А. Ермолаев. Результаты этой совместной работы были великолепны. Это содружество продолжалось в тяжелые годы Великой Отечественной войны — четырнадцать латышских актеров были прикомандированы к МХАТу, чтобы под руководством В. Станицына изучить систему К. С. Станиславского и усовершенствовать свое мастерство. А в 1945 году МХАТ и Академический театр драмы Латвийской ССР заключили своеобразный шефский договор. В соответствии с этим товарищеским соглашением режиссеры-москвичи консультировали несколько постановок рижского театра. Поддержка друзей оказала благотворное воздействие на искусство рижан.

Так были установлены контакты с деятелями русского театра. В последние годы они расширились и укрепились. Успешно проходили гастроли в Москве рижских трупп, лучшие театры Москвы и Ленинграда выступали в столице Латвии. Нас посетили театры Украины, Белоруссии, Эстонии, Литвы, Грузии, Армении, а в конце 1964 года Латвийское театральное общество организовало интересейший вечер национальной драматургии. На сцене Академического театра драмы звучала русская, украинская, эстонская, литовская, грузинская, азербайджанская, молдавская, киргизская и латышская речь.

Я привел несколько эпизодов жизни нашего театра. Такие же факты имеются в деятельности каждого творческого союза. Нынешней весной состоялся очередной пленум Союза композиторов республики. Естественно, на нем присутствовали гости из других братских республик. Однако главное в другом. В произведениях крупных форм, прослушанных на пленуме, ясно ощущалось то благотворное влияние, что оказывают крупные советские симфонисты на композиторов нашей республики. Влиянию русской школы реалистического искусства мы обязаны возрождением жанра тематической картины. Запоминающиеся полотна, рассказывающие о жизни современной Латвии, подвиге латышских стрелков в годы гражданской войны, созданы И. Зариком, Я. Осисом, Э. Илтнером, Р. Валнере и другими художниками. Творческое воздействие их произведений испытывают на себе живописцы других республик.

Никогда не знали столь огромной аудитории латышские писатели. Их книги, переведенные на русский язык, находят ценителей во всей огромной стране. А латыши в свою очередь читают на родном языке русских, украинских и белорусских прозаиков и поэтов, а с помощью русского знакомятся с литературами, о которых в прежние времена они имели весьма отдаленное представление. И этот многообразный и в то же время единый процесс взаимообогащения приводит к отрадным результатам. Широчайшее распространение произведений национальных литератур, выставок изобразительного и прикладного искусства, гастроли театральных, музыкальных коллективов, кинофильмы, радио- и телепередачи о жизни народов нашей страны, обмен делегациями сообщают каждой встрече характер подлинной сердечности. В конце прошлого года мне довелось побывать в Таджикской ССР на торжествах по случаю 40-летия этой республики и Коммунистической партии Таджикистана. Многие километры пролегли меж побережьем Балтийского моря и Средней Азией. Но давно известно, что расстояние дружбе не помеха. Таджикский народ оказал латышам радушный прием.

Годы, прошедшие с июля 1940, убедили латышей, что дружба народов СССР является самой надежной гарантией свободы, залогом расцвета и счастья. Вот почему мы с радостью принимаем гостей на берегах Даугавы в дни юбилея республики и с готовностью развиваем обмен духовными ценностями, сокровищами изобразительного искусства, исполнительского и сценического мастерства.

ПРЕМЬЕРЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, ВСТРЕЧИ

СНАЧАЛА немного статистики: в Эстонии проживает свыше 1 миллиона 200 тысяч зрителей. В прошлом году театры республики посетили 1 миллион 166 тысяч. На тысячу жителей — 922 любителя сценического искусства. По данным ЮНЕСКО, это один из самых высоких показателей в мире.

Журналисты, побывавшие у нас, называют Эстонию республикой театралов. Оставим на их совести это лестное определение. Давайте проанализируем последнюю из названных цифр. 922 посетителя... Кто они? В это число входят те, кто не пропустил ни одной премьеры, те таллинцы, которые ради игры Ю. Ярвета и К. Карма и других мастеров по два-три раза посмотрели спектакль Драматического театра им. В. Кингисеппа «Кихиуский Пыньа» Ю. Смуула. В это число входят и те, кто ни разу не переступил порог театрального зала: цифра-то «среднестатистическая».

Есть у нас еще одна особенность: число зрителей в последние годы растет сравнительно медленно. Это объяснимо. Приятно в дни юбилея сообщить, что культурная жизнь Эстонии необычайно богата. Судите сами — филармонии ежегодно проводят 1.800 концертов, их посещает около 880 тысяч слушателей; в республике 22 миллиона 400 тысяч кинозрителей; два с половиной миллиона посетителей концертов самодеятельности; в 1965 году в Эстонии насчитывалось 150 тысяч владельцев телевизоров. Конкуренция у театра огромна!

Естественно, филармонии и кино стремятся расширить свою аудиторию. И расширяют. Ну, а театр? Есть ли у него возможности сделать каждого жителя, именно каждого, посетителем спектаклей? Как раз над этим задумались наши режиссеры и актеры, директора театров, работники Министерства культуры Эстонии.

...В театре «Ванемуйне» хранятся толстые конторские книги. Развернув их, вы можете точно узнать, сколько людей было в зрительном зале в определенный день, несколько лет тому назад, с каких предприятий, из каких колхозов и совхозов приехали. Такой же учет ведется в Театре имени В. Кингисеппа, в театрах Пярну, Вильянди, Раквере. Анализируя эти «гроссбухи», можно было бы составить любопытную карту «зрительской активности» республики и ее больших городов. И на ней вы обязательно нашли бы «белые пятна».

Два года назад Эстонское театральное общество предложило ежегодно в ноябре проводить месячник театра. Уже дважды мы его проводили. Право же, он совсем не похож на обычные месячники и декады, и масштабы иные — он охватывает практически все города и районы республики, и формы проведения разнообразнее и богаче.

Месячник начинается в середине ноября. И до середины декабря вся культурная жизнь республики подчинена театру. Радио и телевидение ежедневно посвящают ему свои передачи. В кинотеатрах демонстрируются документальные фильмы о сценическом искусстве, в библиотеках и книжных магазинах экспонируется литература о проблемах современной режиссуры, актерского мастерства, монографии и мемуары, проходят встречи с драматургами, организуются фотовыставки.

И, конечно, самая большая нагрузка ложится в эти дни на плечи профессиональных и народных театральных коллективов, театрального общества. Триста спектаклей, десяток премьер и 180 встреч, конференций, дней открытых дверей и открытых репетиций, семинаров. Таким образом, зритель видит не только завершенные постановки наших мастеров, но приобщается к процессу создания спектаклей, ощущает волнующую атмосферу творчества.

Второй месячник несколько отличался от первого тем, что в ходе его мы обратили большое внимание на школы и учебные заведения. Чтобы среди театралов стало больше молодежи, тартуский театр «Ванемуйне» совместно с городской газетой «Эдасиэ» установил несколько призов для школьников, написавших лучшее сочинение на театральную тему. И победители, и их товарищи были приглашены в театр на конференцию.

Театральное общество организовало дни театра в школах. Особенно удачно прошел день театра в 21-й таллинской школе. С ее питомцами и преподавателями встретились видные артисты республики.

Встречи в школах состоялись не только в Таллине и Тарту. Актеры Театра им. В. Кингисеппа выезжали в средние школы в Косе и Марьямаа. Семинары для молодежи, посвященные проблемам сценического искусства, провел преподаватель театрального факультета Лео Кальмет в Марьямаа и Раквере.

Всех мероприятий не перечислишь. Хочется лишь отметить следующее: в ходе 2-го месячника стало ясно, что «белых пятен» на карте «зрительской активности» будет меньше. Результаты нашей работы уже ощущаются. Нас очень порадовали, в частности, рабочие целлюлозно-бумажного комбината имени В. Кингисеппа: еще совсем недавно на этом предприятии, казалось, не было любителей театрального искусства. Тем более приятно, что по своей инициативе активисты комбината организовали одну из самых интересных встреч месячника—творческий вечер артистки Лийо Кюльвант.

Участвовали во 2-м месячнике и народные театры. Они провели 106 спектаклей и встреч, причем в эти дни вместе с самодеятельными артистами выступали и прославленные мастера сцены.

Итоги первых двух месячников подводить еще, видимо, рано. В полной мере они скажутся через несколько лет. Но скажутся обязательно. Мы в этом уверены: разрушается традиционная позиция инертности, когда «театр показывает, а зритель смотрит». Мы и впредь будем проводить месячники, а в наступающем сезоне организуем при нескольких труппах «клубы молодых друзей театра», члены которых будут активно участвовать в жизни коллективов, вести пропаганду сценического искусства среди сверстников. Нужно ли говорить, что столь широкая пропаганда достижений театрального искусства и те принципиально новые отношения, которые складываются между зрителями и творческими коллективами, возможны только в условиях советского строя, установленного 25 лет назад.

В. МАРКУС,
начальник управления искусств Министерства культуры Эстонии.

ПЕСЕННЫЙ КРАЙ

НЫНЕШНИЙ всенародный праздник 25-летия Литвы — это и подлинное торжество искусства республики.

Как подарок, как цветы в венок к 25-летию республики, принесли в эти дни свое творчество деятели искусства и представители самодеятельности. «Пусть за нас говорят наши работы»,—сказал один из замечательных мастеров резьбы по дереву А. Пушкорюс на открытии выставки народных художественных промыслов. Эти работы сказали действительно очень много о прошлом Неменского края, о борцах за счастье людей и о радости труда сегодня. И прежде всего о том, что народное творчество в Литве живет и здравствует, вливая свою животворящую силу в искусство профессиональное.

Ни слова не произнесли ни хозяева, ни гости на торжественном художественном митинге в честь погибших за освобождение Вильнюса у братских могил на воинском кладбище. И здесь говорило только искусство: классическая музыка, поэзия, песня. А знаете ли вы, что можно заставить тысячи людей плакать, слушая в этот торжественный вечерний час при свете факелов знакомую песню «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат» В. Соловьева-Седого или песню «На земле Орла и Немана» В. Лаурушаса, посвященную павшим героям литовской дивизии и погибшим вместе с ними русским героям? Почетные гости и руководители республики при звуках торжественной музыки молча возложили венки у братских могил — это было сильнее слов. Клятва верности, клятва продолжать дело павших героев — об этом говорило искусство в тот вечер.

За Литвой укрепилась слава края художников и поэтов. А еще зовут ее краем песен. И не удивительно, что праздник песни и праздник танца стал одним из самых заметных художественных событий юбилея республики. Девятнадцать тысяч взрослых и три с половиной тысячи детей составили общий хор, а всего в празднике песни и танца участвовало более тридцати одной тысячи самодеятельных артистов. И опять-таки как много можно сказать музыкой! Звучали здесь песни народные и революционные, песни о войне и мире, песни печали и бьющей через край радости. Звучали песни Литвы и ее прибалтийских сестер-именинниц, русские, белорусские и других народов. Тепло и свежо говорили они о дружбе, об интернациональной солидарности. На красочном, жизнерадостном празднике танца, пожалуй, наибольший успех выпал на долю задорной кадрили в исполнении танцевального коллектива пожилых людей.

...Едва находил слова итальянский рабочий, с которым беседовал литовский журналист, — так взволновала итальянца родная песня в «Красном знамени», пропетая детским хором, да и все, что он видел и слышал на празднике. К дирижерскому пульту подошла гостья из США Милда Стенслерене, дирижер прогрессивного литовского хора «Эхо», разучивший там, за океаном, песни Родины. Зарубежный хор вместе со всеми исполнил несколько песен и одну из них со своим дирижером. Бурно приветствовали зрители и своих популярных дирижеров.

Е. ЛИПИНСКАЯ.
ВИЛЬНЮС.

Традиционный межреспубликанский праздник балета в Риге. На Большой эстраде парка культуры и отдыха.
Фото Л. БЛОДИНЕКА.

И ВДОХНОВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

25 лет со дня восстановления Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии

НОВАЯ ЖИЗНЬ — НОВОЕ ИСКУССТВО

ЛИТОВСКОЕ советское искусство за четверть века прошло путь побед и свершений. И если положить «на весы» все успехи, если померять произведения разных жанров уровнем художественного мастерства, идейной содержательностью, впереди окажется монументальное искусство. В творчестве монументалистов наиболее ярко и образно отразилось величие идей, величие подвигов литовского народа, вступившего на путь строительства новой, социалистической жизни.

Но прежде чем доискиваться до «корня» наших успехов — небольшой экскурс в историю. Наследие литовского искусства велико, оно богато прочными реалистическими традициями. Однако в былые времена, и прежде всего в буржуазное время, монументальное искусство в своем развитии отставало. Правящие круги, церковь держали его в своем плену, часто превращали в слащавую иллюстрацию, тормозили развитие. Монументальное искусство наводнялось низкопробными портретами, памятниками буржуазным «деятелям», ремесленными изображениями ликов святых.

Одна из замечательных художественных традиций в нашей республике — синтез литовской архитектуры с монументальной живописью, скульптурой, витражом. С давних времен безвестные мастера сооружали «монументы» — придорожные столбы, кресты, часовенки, украшенные скульптурными фигурками и даже композициями, отличавшимися глубиной содержания, психологической выразительностью характеров изображаемых людей, пластичностью форм. И витражи — в традициях народа: умельцы украшали ими костелы. Кстати, и по сей день монументальная природа литовского изобразительного фольклора ощущается в ремеслах народных художников — резчиков по дереву, керамистов. Она ощущается даже в самых миниатюрных деревянных скульптурах, керамических композициях, в их обобщенности, символичности и, одновременно, характерности образов.

Могучая сила народных творцов, их мера влияния на профессиональных художников столь неукоснительна и чувство долга истинных художников перед народом столь велико, что даже в тяжелых условиях буржуазного времени некоторые литовские монументалисты не теряли преемственности народного творчества и создали значительные произведения. Об этом свидетельствуют работы скульпторов В. Грибаса (убитого фашистами), Ю. Микенаса и других.

И все же подлинным расцветом искусства отмечены последние десятилетия. Творчество скульптора Ю. Микенаса — наглядный пример благородного воздействия новой жизни на наших художников-монументалистов. Стремление эмоционально-образно воссоздать героизм литовских партизан, всего литовского народа в памятнике Герою Советского Союза литовской девушке М. Мельникайте, желание языком искусства возвеличить подвиг Советской Армии в скульптурной группе монумента Победы в Калининграде привело скульптора к большим идейно-художественным обобщениям, к реалистической символике образов. Покоряющая сила монументального обобщения особенно ярко сказалась в последней в его жизни работе «Первые ласточки», посвященной советским космонавтам. (Скульптура успешно демонстрируется на всесоюзной выставке «На страже мира»).

Вот здесь как раз, то есть в творческом методе Ю. Микенаса, на мой взгляд,—«зерно» успеха наших монументалистов. Я говорю именно о методе, а не о манере, о почерке. Методе подхода к теме, методе высказывания своего отношения к ней, методе передачи своих мыслей и чувств зрителю. Художник не просто формулирует или «громогласно» провозглашает идею, он делится с другими тем, что пережил в изображаемом, он знает, что хочет и что должен им поведать. Ясно высказанная мысль, выразительнейший образ, рожденный талантом, гражданственной совестью художника, направляют его резец. Ничего придуманного, ничего внешне нарочитого—все от идеи, от мысли, от чувств. Как говорил Ю. Микенас, наша современность сама по себе выразительна. И эта выразительность жизни, считал он, — основа выразительности искусства. Именно потому, что Ю. Микенас очень глубоко ощущал и осознавал выразительность окружающей действительности, красоту, романтику, поэзию, героику подвига космонавтов, он сумел создать аллегорическую фигуру величавой, полной теплоты, обаяния, энергии женщины — матери-Родины, посылающей ввысь быстрокрылых, сильных птиц — сыновей и дочерей своих, завоевателей космоса.

Умение претворить наблюденное в жизни в законченных, обобщенных, но не лишенных конкретности образах, умение эстетически, художественно осмысливать сущность явлений характерно и для многих других наших скульпторов и в первую очередь для Г. Иокубониса, удостоенного в 1963 году Ленинской премии за скульптуру «Мать». Всенародно значимая идея, широкое художественное обобщение образа, масштабность, идущая не от «гигантомании», а от масштабности мышления, четкость, выразительность композиции принесли славу работе Г. Иокубониса.

Теме борьбы нашего народа на боевых и мирных созидательных фронтах посвятили свое творчество многие другие литовские скульпторы старшего и младшего поколений. Их замечательные произведения стали достоянием народа, а художники, обращаясь к современной теме, упрочили в своем творчестве лучшие традиции литовского монументального искусства. Здесь можно назвать и памятник В. Капсукасу в Вильнюсе (автор И. Вайвада), и скульптуры «Рыбак» (автор К. Киселис) и «Этле — кормилица ужей» (автор Р. Антинис).

Весьма перспективно развивается и литовский витраж. Как я уже говорил, раньше витраж был лишь культовой принадлежностью. Сегодня он украшает здания в Вильнюсе, Каунасе, Паланге, Друскининкайе и в других городах и населенных пунктах республики. Литовский витраж частый и, наверное, не ошибусь, желанный «гость» Москвы, Ленинграда. Новое содержание, новые образы — тема радостного, свободного труда, дружбы советских народов — «омолодили» его, внесли свежую струю, расширили «географию». Одновременно выросли и технические возможности создания и применения витражей. Все это — свидетельство перспективности жанра. И можно с уверенностью сказать, что витраж займет прочное место в строительстве будущих городов.

Тематика новой жизни плодотворно сказалась и на художественной форме витража, которая в талантливых руках А. Стошкуса, А. Гарбаускаса, К. Моркунаса приобрела большую обобщенность, лаконичность и новую выразительность. Причем в этой новизне нет абстрактного понимания новаторства, нет отрицания традиций. Напротив, легко различить элементы народного творчества в их работах. Здесь есть конкретность образов, есть жизненная правда, только правда в непривычном, своем, самобытном решении.

Итак, успехи наших монументалистов очевидны. На днях в Каунасе открылся Музей монументального искусства. Надо признаться, этот факт одновременно обрадовал и насторожил. Отрадно, что наши монументалисты накопили большое количество произведений, с которыми можно будет ознакомиться, оценить их в сравнении друг с другом, проследить какие-то закономерности, тенденции, направленность. На общем фоне ясней вырисуются творческие индивидуальности художников, их завоевания и просчеты. Но экспозиции музея вызывает и ряд серьезных вопросов, от которых так просто отмахнуться нельзя: здесь находятся работы, не имеющие постоянного адреса. Ведь музей, выставка для монументального искусства — временное, случайное местожительство. Его настоящее место—в архитектуре, на улице, оно предназначено для массового зрителя. И это тем более настораживает, что традиции синтеза литовского народного монументального искусства с архитектурой глубоки, они складывались веками. Народные мастера почти не создавали своих произведений без конкретного назначения в архитектуре. Народные зодчие в свою очередь в поисках художественного образа отдельного здания или архитектурного комплекса всегда обращались к скульптуре, росписи, витражу. И только в органическом единстве монументального искусства с архитектурой и те, и другие по-настоящему приобретали художественную целенаправленность и силу.

Значит, надо эти традиции хранить и развивать. Бурный, в основе своей плановый рост наших городов и населенных пунктов, возведение общественных зданий создает на редкость благоприятные условия для применения монументального искусства. Однако существующие межведомственные, к слову, часто не дающие экономического эффекта преграды сужают возможности синтеза монументального искусства и архитектуры, мешают художникам и зодчим придать сооружаемым городским кварталам и селам оригинальный и неповторимый облик. Зачастую старинные центры литовских городов теряют органическую связь с новой застройкой и могут стать своеобразными «хранилищами» национальной архитектуры в однотипном, довольно безлике окружении.

При современных индустриальных способах строительства монументальное искусство как раз и является одним из средств выявления индивидуальных черт каждого города, его самобытного облика, его «характера». А то, что каждому городу присущи свой склад жизни, свои приметные черты, свои индивидуальные особенности, вряд ли возможно оспаривать. И вряд ли возможно оспаривать, что надо сохранять их для будущих поколений, для летописи народной жизни. У нас же города (есть такая опасность) могут стать безликими, серыми, похожими.

И еще одно: мы непростительно мало думаем о том, сколь велика роль красоты города в формировании вкуса, в пропаганде искусства! Вот здесь-то на помощь и должно прийти монументальное искусство как средство идеологического воспитания народа — в создании новых городов, передающих национальный колорит, отражающий красоту нашей жизни, величие дел нашего народа.

Правда, заботясь о внешнем облике новых кварталов, не решишь эту проблему, взяв на вооружение лишь монументальное искусство без всестороннего использования выразительных средств собственно архитектуры, ибо таким путем можно прийти к преоловутому пустому украшательству, только более современного пошиба. Самая характерная черта социалистического монументального искусства — массовость —обязывает нас не ограничивать его декоративно-оформительской задачей. Наши мастера помнят ленинский наказ по монументальной пропаганде. Они ищут образы, возвеличивающие коммунистические идеалы советского общества.

Ю. МИКЕНАС. «Первые ласточки».

ВИЛЬНЮС.

Л. ШЕПЕТИС,
зав. отделом науки и культуры ЦК КП Литвы.

СИЛА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО КАДРА

БЕСЧИСЛЕННЫЕ, идущие нам вослед поколения скажут свое спасибо этим людям, — людям с кинокамерой.

...На Даугаве уже засверкал каскад гидроэлектростанций — их огни перекликаются с сиянием Дворца Света, воспетого в латышских народных песнях... В краю голубых озер — Латгалии — цветет лен в рост человека, хотя льняными скатертями, наверное, будут накрывать столы лишь в праздники: пришла эпоха химии, эпоха синтетики, и длиться ей отныне много веков... В каждом районном центре раскинется аэродром для сверхскоростных пассажирских атомолетов...

И вот, скажем, в двухсотый юбилей Советской Латвии экран оживит страницы истории. Только-только победоносно закончилась Великая Отечественная война... Рига, Резекне, Даугавпилс и многие другие города очищаются от руин... Труженики села создают первые колхозы. Вот и первый колхозный поселок — до Советской Латвии такой мог только присниться латышскому крестьянину. Вот рыбаки выходят в море. Вот крепкие парни — сыновья разных народов—укладывают первый бетон в фундамент Плявиньской ГЭС...

Но не только будущим поколениям нужны эти документы истории. И мы, современники, благодарны кинематографистам, бережно собирающим интересные исторические факты, сохраняющим на киноленте события, имена и лица людей, ритмы трудового дня и праздничные песни.

Наряду с чисто информационным материалом в работах наших кинодокументалистов привлекает стремление не только отображать, но и анализировать жизнь, философски обобщать увиденное. То, что В. И. Ленин называл образной рубленостью, начинает постепенно проникать в латышскую кинематографию.

На первых порах тенденция эта встречала несколько сдержанный прием, да и сама она прокладывала себе путь довольно робко — то проявится в ярком киносравнении или метафоре, найденных сценаристом, то в смелом отступлении режиссера от уже принятого текста, то в удачно сработанной оператором, более размашистой, чем обычно, панораме съемки.

Существенно, что одновременно со стремлением к более эмоциональному, глубокому и богатому мыслями документальному кино зародился и категорический протест против искусственного украшательства жизненной правды, против театрализованных инсценировок кинорепортажа.

Одна из первых попыток соединить подлинность фактов с образностью языка — фильм «Берег», посвященный жизни латгальских рыбаков. В нем сценарист и режиссер Айвар Фрейманис и оператор Ивар Селецкий открыто избегают пересыщенности фактами, требуя уважения к детали. Философски-оптимистическая оценка конкретных явлений, подмеченных в нашей жизни, в радостных приметах советской действительности, придает романтическую окраску кинодокументам. Все, что хотят показать авторы, зритель узнает не из дикторского текста, а видит на экране.

За кинофильмом «Берег» последовали три работы, позволившие уже во всесоюзном масштабе заговорить о кинообразности в работах документалистов Рижской студии, — трехчастная кинопоэма «Стройка», «Начало» и «Рабочий», посвященная рабочему классу нашей республики (сценарист Арвис Ленц и оператор Уллис Браун). Это было задумано не как трилогия, но прозвучало цельной, завершенной композицией: все три работы взаимно дополняют друг друга, все отличаются ясным почерком, в котором есть и поэтичность, и скульптурная четкость, и патетика.

А совсем недавно и режиссер Варис Круминьш в своем фильме «Осенняя баллада» доказал, что в документальной кинаповести о буднях нашей жизни можно достичь и романтики, и глубины художественного обобщения. Простому фотографированию тружеников какого-то одного села за уборкой урожая автор предпочитает кадр, воссоздающий атмосферу горячей уборочной поры: он сплетает в стремительном ритме холмистые дороги Пиебалги, он заставляет хлестать на экране потоки дождя и тут же доказывает, что это не может задержать еще более мощные потоки зерна. Значение здесь имеют не фамилии, не названия колхозов: глядя на экран, мы вспоминаем таких же тружеников, виденных в жизни десятки, сотни раз.

Интересные мысли о задачах кинодокументалистов высказал как-то режиссер Алоиз Бренч:

— Когда я языком документального кино говорю о героичности труда хирурга, я хочу, чтобы зритель не только умилялся профессиональному мастерству врача, но понимал бы, какую ожесточенную битву с глазу на глаз со смертью ведет он. И я как автор должен заставить людей задуматься: а сможет ли каждый из нас так самоотверженно бороться за выполнение своего долга, за свои идеи, если исходом этой борьбы будет не более и не менее, как жизнь или смерть?

Поставленные уже режиссером картины «Ты и я», «Руки и сердце» свидетельствуют о страстной авторской позиции, о его любви акцентировать мысль — средствами монтажа уточнять и обобщать собранные жизненные факты.

Характеристика документального кино Советской Латвии будет неполной, если не упомянуть здесь некоторые из наиболее удачных картин исторического плана, перекликающихся с сегодняшним днем, звучащих остро, актуально. Прежде всего — это три фильма режиссера Германа Шулятина, выдвинутые на награждение Государственной премией республики,— «За Советскую власть в Латвии», «Оборотни» и «Латышские стрелки». По глубине проработки материала их можно было бы назвать серьезными научными исследованиями. Но здесь нет и следа бесстрастности, присущей в иных случаях научной констатации фактов, — они эмоциональны, взволнованны. Взять хотя бы ленту «Оборотни». Наш народ знает, сколько зла и бед принесли ему подручные гитлеровцев, завербованные из подонков латышского народа. Следовательно, архивные материалы — позорные следы их зверств, запечатленные на нашей земле, факты, свидетельствующие о теперешней деятельности преступников на Западе,—нужно было сочетать с обвинительным актом, сделать еще одним вещественным доказательством в руках суровых, но справедливых судей, не прощающих преступления. В фильме «Оборотни» с экрана в полный голос звучит та публицистичность, которая хорошо знакома нам по творчеству Р. Кармена, И. Копалина и других советских мастеров документального кино. Очень хорошо, что Рижская киностудия продолжает работу над этой темой — в настоящее время создается документальная лента, срывающая маску с буржуазных националистов.

«Латышские стрелки» — это только начало той широкой киноэпопеи о революционном пути нашего народа, создать которую — долг работников документального жанра.

Особое место в развитии документального кино занимает пятичастная работа режиссера Ивара Краулитиса «Величие». Она интересна поисками новых средств выразительности: сценаристам Фринису Рокпелнису и Валдемару Калнинью удалось здесь опоэтизировать биографический жанр. Авторы взволнованно, увлеченно, с подъемом повествуют о жизни Райниса, о его творчестве.

Рижские кинодокументалисты избрали правильный курс, сделаны первые шаги. Теперь нужно думать о том, чтобы этот путь не прерывался, чтобы все увереннее, тверже становились шаги на пути к большому искусству.

Вент КАЙНАЙЗИС,
кинокритик.

РИГА.

В канун юбилея Советской Латвии известный скульптор Л. Давыдова-Медене удостоена звания лауреата республиканской премии. На снимке: Л. Давыдова-Медене в своей мастерской.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

КОММЕНТАРИЙ К ФАКТАМ

В 1936 году в Литве было 17 государственных библиотек, в 1940 — 161, нынче — 1.740. В 1939 году их книжные фонды составляли 258 тысяч томов, в настоящее время — около 13 миллионов. За минувшие 25 лет число читателей увеличилось в 76 раз...

Эти факты наши корреспонденты попросили прокомментировать кандидата педагогических наук Клеменсаса Синкевичуса.

Цифры, что названы выше, вызывают естественное желание сказать следующее: в библиотечном деле Литвы достигнут блестящий прогресс. Но чтобы каждый ясней представил себе путь, пройденный в этой области за четверть века, мне хочется начать свой комментарий с описания... одного из самых роскошных каунасских дворцов. В годы владычества буржуазии он принадлежал правящей партии. На пяти его этажах размещались рестораны, клубы, удобные кабинеты. А в темном и сыром подвале ютилась центральная библиотека государства. Ее фонд не превышал тогда семидесяти тысяч книг. Читателей было не более двух тысяч. Всего лишь. Правда, картина символическая!

В 1939 услугами всех библиотек Литвы пользовались 14 тысяч читателей — пять десятых процента всего населения. Цифра настолько мизерная, что в нее даже трудно сегодня поверить, она требует пояснений. Дело в том, что библиотеки были платными, — за чтение книг взимались деньги. Прежде чем получить необходимые материалы, нужно было внести залог в пять—десять лит. А в стране массовой эмиграции, хронической безработицы такое мог позволить себе не каждый.

И вот минуло четверть века. На центральной магистрали Вильнюса— улице Ленина — воздвигнут дворец с торжественным порталом. Его главная лестница украшена драгоценным витражом, помещения залиты дневным светом. Это оснащенная по последнему слову техники Государственная библиотека Литовской ССР — крупнейшая среди тех книгохранилищ, что выросли в годы Советской власти во всех районных центрах, городах, в поселках и на предприятиях. Но, кроме государственных массовых библиотек, имеются еще и профсоюзные, а при них 40 библиотек, созданных на общественных началах и успешно пропагандирующих, в частности, техническую литературу. Четыре тысячи книгохранилищ работают в школах республики, и получается, что Литва обладает более чем семью тысячами библиотек с общим фондом в 38 миллионов томов. Этим богатством пользуется около двух третей населения республики.

38 миллионов томов — океан книг. Потребовались опытные кормчие. Их функции, в частности, выполняют работники специализированных библиотек, появившихся в годы Советской власти. Созданы Центральная библиотека Академии наук Литовской ССР, Центральная научная медицинская, Центральная научно-техническая с филиалами, широкое развитие получил межбиблиотечный абонемент. В буржуазной Литве библиотекарей готовили на двухнедельных курсах. В книгохранилищах социалистической Литвы трудятся выпускники Вильнюсского культпросветтехникума и Государственного университета им. В. Капсукаса-Мицкевичуса. Издаются научные труды, посвященные актуальным проблемам библиотечного строительства. Шести ученым присвоены звания кандидатов наук. Мы гордимся, что наш коллега, директор научной библиотеки Вильнюсского университета Л. Владимировас одержал победу на международном конкурсе и был признан достойным возглавить библиотеку Организации Объединенных Наций.

Поворот судьбы книгохранилищ Литвы, их работников, всего библиотечного дела — яркая страница истории современной культуры нашей страны.

Клеменсас СИНКЕВИЧУС,
кандидат педагогических наук.

БИБЛЕЙСКИЙ ПЕЕТЕР

НЕДАВНО мне попала в руки брошюра «Быт и нравы эстонцев», написанная в 1902 году литературоведом М. Кампманом.

М. Кампман знакомит читателя с различными типами характера. Страстным или холерическим темпераментом, согласно его представлениям, обладали апостол Павел и весь немецкий народ; к равнодушным или флегматикам отнесены апостол Даниил и все англичане; вспыльчивыми или сангвиниками были апостол Петр и иудеи. Носителями грусти и меланхолии признаны эстонцы — на этот раз без апостола.

Их характер анализируется в брошюре наиболее тщательно. В итоге эстонец, работящий, как вол, добросердечен, честен, но угрюм, замкнут, недоверчив, уныл и пассивен...

Работящий — это правда. Эстонец всю жизнь трудился не покладая рук. В суровые времена, обрабатывая помещичью землю, крестьянин вынужден был тащить на своих плечах разнузданную, жаждущую развлечений аристократию. И только сверхчеловеческим трудом он мог поддерживать свое существование.

Но вот с «унылостью», «замкнутостью» и «угрюмостью» дело обстоит сложнее. Эту легенду распространяли чужеземные культуртрегеры. Жизнь эстонцев они видели лишь издали и не понимали, что недоверие, угрюмость, замкнутость были реакцией на произвол помещика и его подручных — кубьяса (надсмотрщика) и кильтера (помощника надсмотрщика) и пастора. Да и с какой стати должен был раб доверять тому, кто поработил его, кто всячески подавлял его стремление к свободе.

А о том, что в отношениях между собой эстонцы далеко не походили на северных медведей, свидетельствуют и постоянные жалобы пасторов: им не нравилось, что по субботним вечерам молодежь собиралась у деревенских качелей, танцевала, пела.

В этом они видели угрозу церковной морали. Более того, чувствовалось по этим веселым и озорным всплескам, что многовековое рабство не сломило дух народа, что клеет под пеплом искра, не раз вспыхивавшая жарким пламенем, в котором горели мызы и графские замки. «Пылают мызы, станут нашими лес и земля», — так пели в 1905 году.

Но «лес и земля стали нашими» только после июньского переворота 1940 года, когда историческая реформа дала батракам и безземельным крестьянам собственное поле.

В дни кровавого террора фашистской оккупации эстонец не склонил головы. Раскрылись новые национальные черты, народный характер предстал в истинном свете.

Вспоминаю свое родное село, затерявшееся в лесах близ озера Выртсярв. Бедно жили там рыбаки. Их лачуги ютились прямо на песчаном берегу. Подальше, там, где начинались пашни, стояли хутора.

Так и возникли в 1940 году в селе два лагеря. Те, кому дали землю, держались вместе. Они стали бойцами истребительных батальонов, партизанами. Богатые же хуторяне и их сынки превратились в фашистских прислешников, омакайтчиков (членов фашистской националистически-буржуазной организации «Омакайтсе»), тюремщиков и надсмотрщиков в лагерях смерти.

Бедняки были иными.

Помню старика, которого прозвали библейским Иеетером. В последние годы буржуазного владычества у него часто собирались верующие, читали и толковали библию — божье слово.

Рассказывали такое: в сороковом году взял Иеетер библию с собой в лодку, обмотал покрепче веревкой, привязал камень и отправил книгу на дно озера. Со всеми иудейскими царями и двенадцатью апостолами.

Когда спросили, зачем он так сделал, Иеетер ответил: — Землю-то мне не бог дал. Люди дали.

С приходом гитлеровцев Иеетер отделался несколькими допросами и снова начал читать библию. Не ту, что утопил в озере, — другую.

Шла борьба. Жизнь омакайтчиков становилась все труднее. От фашистской мобилизации люди уклонялись. Мужчины уходили в леса. По ночам гудели самолеты, а утром повсюду находили листовки: «Смерть немецким оккупантам!». Ребятишки-школьники нашли как-то парашют. А библейский Иеетер все читал свою библию...

Подозревали, искали, таскали людей на допросы, чувствовали: что-то готовится. Но где? Кто? Что? На след так и не напали.

Во время июльских боев 1944 года с противоположного берега озера перебралась группа гитлеровских диверсантов, чтобы зайти в тыл к частям Советской Армии. Но в прибрежных камышах их атаковали партизаны и продержали там до прихода советских регулярных частей. Командовал партизанами библейский Иеетер.

Национальный характер... Где же пассивность, безучастность? Непокорность, хитрость в борьбе с жестоким врагом, смелость — разве они присущи лишь одному человеку?

Юмор, жизнерадостность, жизнелюбие — вот черты моего народа. Но они таились, как огонь под пеплом. И редко-редко выбивались наружу, вспыхивая костром на толоках, сельских праздниках, вечеринках.

Сейчас моя родная деревня — бригада одного из передовых и богатых колхозов. В бывшее бедняцкое прибрежное село проведено электричество, колхозники ездят на спектакли и экскурсии в Тарту и даже в Таллин.

Благоприятные условия помогли ярче проявиться всегда существовавшим национальным чертам характера, сделали их преобладающими.

Не случайно лучшие произведения эстонской советской литературы — и в первую очередь творчество лауреата Ленинской премии Юхана Смуула — освещены теплым юмором, полны оптимизма. И не случайно этот юмор, оптимизм и жизнерадостность нашли такой сильный отклик в сердцах читателей.

Эйкар МААЗИК,
писатель.

ТАЛЛИН.

БОЛЬШОЙ СМОТР

ВЫСТАВКА изобразительного искусства, посвященная 25-летию Советской Латвии, торжественно открылась в Государственном музее искусств. Многогранную жизнь республики отображают 530 произведений. Здесь представлены не только новые работы живописцев, графиков и скульпторов, но и лучшие произведения, созданные в предыдущие годы. Наряду с известными мастерами старшего поколения Т. Залькалном, Л. Свемпом, Э. Калнынцем, О. Скулме на выставке выступили и художники, выросшие в годы Советской Латвии. Среди них Э. Иллиер и Л. Давыдова-Медене, которым в предпраздничные дни присуждены Государственные премии Латвийской ССР.

Многих авторов привлекла историко-революционная тема — борьба латышского народа за Советскую власть. В экспозиции — картина О. Скулме «В. И. Ленин с латышскими стрелками в Кремле», рисунки М. Осиса «Латышские стрелки». Большое место в латышском изобразительном искусстве занимает тема труда, современная жизнь республики. Посетители выставки как бы совершают путешествие по цветущему краю на берег Балтики, знакомятся с ее лучшими людьми.

Много рижан собралось сегодня в Государственном музее зарубежного искусства, где открылась большая выставка прикладного искусства.

Материалы, посвященные культуре Советской Прибалтики, подготовлены нашими специальными корреспондентами М. Игнатьевой и О. Ивановым.

На дискуссии «Кино и зритель». Справа налево: советский кинорежиссер Михаил Ромм, кинорабочник из Кувейта А. В. Султан, американский кинорежиссер Фред Циннеман, наблюдатели из Камеруна и Гвинейской Республики — Поль Ава Эссион и Тура Мандиу, итальянский кинорежиссер Джузеппе Де Сантис.
Фото В. ГЕНДЕ-РОТЕ. (ТАСС).

МАСТЕРА КИНО ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ»

КИНО И ЗРИТЕЛЬ... Не скрою, что выделение именно этой проблемы в качестве предмета теоретической дискуссии на IV Международном кинофестивале в Москве несколько настораживало. Ведь в силу самой специфики киноискусства она сосредоточивает в себе такой обширный комплекс вопросов, который едва ли можно сколь-либо серьезно и исчерпывающе обсудить в течение двух-трех регламентированных заседаний. А вместе с тем трудно сегодня назвать другую столь же животрепещущую проблему, затрагивающую коренные судьбы киноискусства, его пути в современном мире, потрясенном великими социальными сдвигами. Не случайно поэтому включившиеся в дискуссию кинорежиссеры и критики разных стран страстно обсуждали важнейшие ее аспекты. И разговор получился весьма интересным и поучительным. По крайней мере он довольно точно отразил те умонастроения, которые типичны для деятелей киноискусства наших дней.

ЭКСПЕРИМЕНТ, ПОНЯТНЫЙ МИЛЛИОНАМ

У каждой национальной кинематографии свои трудности, свои больные вопросы, порожденные конкретными условиями ее развития. И общим, пожалуй, является лишь один вопрос — об отношении создателей фильмов к зрителю, а точнее, к народу. На нем и призвал сосредоточить внимание советский кинорежиссер Григорий Козинцев.

— Кино, это любимое дитя улицы, — говорил Г. Козинцев, — с первых же шагов начало зависеть от кассы, от коммерческого успеха. Но прошло немного времени, и кинематограф утвердился как искусство. В теоретический обиход вошло иное понятие — движение кинематографа как успех культуры. К сожалению, не всегда кинематографический процесс тождествен такому успеху. Все обстоит гораздо противоречивее, и порою новации в сфере языка и техники побеждают художника, умерщвляют его духовный мир. А победить должен художник, который способен, подобно Чаплину, потрясти нас великой силой одухотворения, который говорит на органичном для народа, понятном ему языке.

Итак, успех культуры — сверхзадача творцов кино, стремящихся дать зрителю что-то важное и значительное. Казалось бы, что эта мысль вообще аксиоматична. Но она-то и породила дальнейшую дискуссию, итоги которой, на мой взгляд, весьма примечательны.

Дело в том, что само понятие успеха культуры (применительно к кинематографу) вызывает весьма разноречивые толкования. Все сходятся на том, что коммерческий кинематограф, представляющий так называемую «массовую художественную культуру» в капиталистических странах, к этому высокому понятию не имеет никакого отношения. Скорее наоборот — он знаменует собой поражение культуры, ее деградацию.

Однако естественное неприятие коммерческой продукции, успешно оперирующей наиболее доступными и привычными для зрителя средствами, способной, увлекая, развращать, приводит многих крупных художников и критиков капиталистических стран к весьма парадоксальному выводу. Отмежевываясь от «потребительского» кинематографа, рассчитанного на инертную, неподготовленную публику, они бьются за кинематограф «экспериментальный», работающий на «завтрашний день». Он и, дескать, только он знаменует истинный «успех культуры», прокладывая новые пути, находя решения, чуждые вкусам «толпы».

Так вполне объяснимая в социальном аспекте реакция оборачивается современным эстетским аристократизмом — теорией «элитарного» кинематографа. Ее отстаивал на дискуссии французский кинокритик Марсель Мартен, с книгой которого о языке кино хорошо знакома наша общественность. Отстаивал, повторяя уже известную нам аргументацию: косность вкусов «ленивой и нелюбопытной публики», равнодушной к экспериментальному фильму, к поискам Рене и Годара, о необходимости специальной подготовки хотя бы одного процента квалифицированного зрителя, этакой зрительской элиты, которая, по его словам, будет зерном для прихода большого зрителя.

Наверное, у большинства участников дискуссии (если судить по реакции зала на выступление Марселя Мартена) концепция «элитарного кино» вызывала вполне оправданный протест. Тысячи и тысячи фактов свидетельствуют о том, что истинно прекрасное в киноискусстве сразу же доходит до миллионов сердец, что вызвать их биение — высшее предназначение и суть кинематографа как искусства подлинно демократического, народного.

Бывает так, что мнение многих наиболее полно выражает кто-то один. Им на этот раз оказался итальянский режиссер Де Сантис. Блестяще, остроумно и аргументированно выступил он в защиту демократической сути киноискусства. Вот суть его выступления. Авангардизм старее старого, его представители (экспрессионисты, интимисты, кинематографисты «новой волны») идут не в будущее, а в прошедшее. Они, по словам Де Сантиса, стряхивают пыль со старых лент, а пыль-то эта оказывается золотой! Призывая к эксперименту, они повторяют открытия Рене Клера, Дзиги Вертова, С. Эйзенштейна, Г. Александрова, немецкого кинематографа после 1914—1918 годов. Так отдадим же им должное, но как популяризаторам старых эстетических доктрин и формул!

Экспериментировать можно и нужно, говорит Де Сантис, но не только с новыми средствами техники кино, но и с новыми темами! И в этом отношении кинематограф до сих пор не всегда на уровне своих социальных задач.

И разве это не верно! Разве до сих пор целые пласты жизни, актуальнейшие темы не находятся вне поля зрения кинематографистов? Разве на мировом экране так уж много фильмов, повествующих о диалектике бытия современного человека в разных социальных условиях, о противоречиях эпохи, о том смысле жизни, которого так ищет вступившее в жизнь послевоенное поколение? Как необходимо творчество художников, умеющих заглянуть в будущее. Ведь именно так, по меткому замечанию французского историка кино Ж. Садуля, прозвали будущее создатели легендарного «Чапаева». Эпизод «психической» атаки, вызвавшей замешательство народных бойцов, а затем сокрушительный отпор механической, бездушной силе был предсказанием о будущем в те годы, когда Гитлер начинал развязывать цепь кровавых авантюр. Ведь не случайно отряды Сопротивления носили имя Чапаева! Взгляд в будущее, чувство истории необходимы в подлинном творчестве. А их-то и нет в мире «экспериментального» фильма. На них держится мир реалистического фильма, этот, по словам Эйзенштейна, «эксперимент, понятный миллионам».

МЫ — НЕ ПАССАЖИРЫ «ТИТАНИКА»

Кинематограф, постигающий социальное содержание, открывающий человека в его соотношении с обществом, — вот единственно плодотворная база творческого поиска, эксперимента. Понятно, что в этой связи вопрос о зрителе, о его подготовленности подводит к вопросу о том, что несет миру художник, что он хочет и может сказать людям. Эту мысль о гражданской ответственности художника перед современниками развил Михаил Ромм, поднявший новые темы дискуссии.

Он точно подметил, что все истинные новации имеют один смысл — приближение кинематографа к факту, к действительности. Ведь о художниках мы судим по тому, что они хотели нам сказать и как сумели отразить образ эпохи. Эту мысль Михаил Ромм пояснил поистине выстраданным примером — рассказом об опыте работы над новым художественно-документальным фильмом. Примечателен следующий приведенный им факт: из двух миллионов метров кинохроники нацистского рейха он сумел отобрать лишь пять кадров о человеке. Не о толпе, вопящей вслед за истеричным фюрером, но об отдельном индивидууме, о частностях его интимной жизни. О том, что исключалось обездушенным, оглупленным миром фашизма.

Истинный гуманизм киноискусства в том, что его произведения всегда представляют собой человеческий документ, повествуют о заботах и радостях людей, об обществе и личности, которая воплощает это общество в себе, в своем индивидуальном бытии. Оставить такой документ потомкам, рассказать им в наглядных образах о сложнейшей эпохе — разве это не благороднейшая задача! И пусть люди будущего увидят, что в тот период, когда мир находился на грани термоядерной катастрофы, наши современники не были подобны пассажирам «Титаника», вальсировавшим и флиртовавшим за несколько секунд до столкновения с айсбергом.

Эту же мысль развивал и критик Евгений Сурков, подчеркнувший, что ныне было бы преступлением не учитывать сложность и остроту ситуации и прятаться где-то на нижней палубе, чтобы плакать и ныть. Истинный художник должен быть среди тех, кто направляет корабль, кто действует во имя жизни и счастья народов.

Общественная активность мастеров кино, их гражданская ответственность — вот что выдвигается ныне на первый план, вот что становится вопросом вопросов. Вторжение в жизнь, знаменующее направленность кинематографического процесса сегодня, проявляется своеобразно в разных странах в зависимости от господствующих в них социальных отношений, от всей совокупности условий.

Широкую и масштабную функцию выполняет кино в социалистических странах. Здесь накоплен огромный опыт по использованию кино в воспитании человека. Здесь общепризнанной является мысль о важности выражения средствами кинематографа в соответствии с его художественной спецификой больших, прогрессивных идей. Или, как говорил польский режиссер Ежи Гоффман, о необходимости внесения — конечно, не лобового плана — максимума идей в любое развлечение.

Кому пишет письмо режиссер... Он никогда не может написать письмо самому себе. Так утверждал, по словам Фьоравенти (Италия), один из учеников возглавляемого им Экспериментального киноцентра. Фильм — это диалог, вторым участником которого неизбежно оказывается зритель. А раз так, то мера кинематографической образованности, культуры зрителя отнюдь не безразлична режиссеру. Более того, с учетом этой культуры создается любой фильм. Вот почему воспитание кинематографической культуры и вкуса зрителя оказывается в плоскости забот кинематографистов. Об опыте, накопленном в этом отношении в социалистических странах, рассказали Л. Пацовский (Чехословакия), Г. Зелинский (Польша) и другие ораторы. Кстати, многое из того, что они доложили участникам дискуссии, имеет общий интерес. Так, мне представляется весьма ценным опыт чехословацких товарищей, создавших специальный научно-исследовательский институт кино, изучающий эстетические запросы зрителей разного возраста. Наши польские коллеги проявили хорошую инициативу, добившись создания двухсот киноклубов для демонстрации кинематографической классики. Они утвердили поучительную традицию так называемого «фестиваля фестивалей», во время которого польский зритель знакомится с фильмами, завоевавшими призовые места на международных фестивалях.

Достойно всяческого уважения все то, что делают прогрессивные кинематографисты капиталистических стран, стремящиеся вопреки препонам цензуры, о которых убедительно рассказал Жорж Садуль, поднять культуру зрителя, ознакомить его с лучшими образцами мирового кино, в частности с фильмами советских кинематографистов. В этом отношении самого пристального внимания заслуживает информация о движении по созданию киноклубов во Франции, Англии и других странах.

Общую мечту кинематографистов мира высказывали многие участники дискуссии, подчеркивавшие необходимость обучения детей основам киноискусства в рамках школьного курса. Действительно, сложилось довольно странное положение: наиболее массовое из искусств, завоевавшее достойное место в классической семье муз, не изучается теми, кто с первых же сознательных шагов становится кинозрителем и остается таковым всю жизнь. Очевидно, предубеждения против кинематографа рассеяны отнюдь не полностью, по крайней мере среди организаторов педагогического процесса...

Дискуссия на фестивале не была простым обменом мнениями. Скорее — взволнованной беседой деятелей культуры, озабоченных судьбами киноискусства в нашем динамичном мире. Именно поэтому ее завершением могут быть только практические дела тех, кто это киноискусство творит во имя высоких идеалов гуманизма.

В. РАЗУМНЫЙ.

СЛОВО ЗРИТЕЛЕЙ

РУССКОЕ СЕРДЦЕ ФИЛЬМА

ТВОРЧЕСТВО Толстого учит нас самому трудному искусству — искусству жить, не изменяя самим себе, не предавая самого себя. Жить честно — как подобает человеку.

Но — я говорю о своем личном ощущении — другой такой книги, как «Война и мир», такой глубокой, неисчерпаемой, многогранной, я не знаю. Я люблю «Войну и мир», я отношусь к этой книге так трепетно, что понимаю и разделяю волнение, с которым все советские зрители следили за работой над фильмом, возглавляемой режиссером С. Бондарчуком.

Когда читаешь «Войну и мир», не покидает ощущение, что слушаешь необыкновенный оркестр, в котором каждая из бесчисленных тем интересна и глубока по мысли, а каждая нота — прозрачно ясна.

Более всего я волновался, что при экранизации исчезнет эта полифоничность звучания бессмертного произведения Толстого. Но, к счастью, фильм избежал этой опасности.

Что мне показалось главным в картине? Авторы показали нам — иначе не скажешь — толстовскую вселенную, мир мыслей и чувств писателя, те несравненные картины русской жизни, которые он умел столь точно и глубоко воссоздавать.

Народная, патриотическая основа, русская национальная культура, любимые и понимаемые Толстым, пронизывают фильм. Я бы сказал, что самой характерной чертой картины является то, что у нее русская душа, она глубоко национальна. Это проявляется во всем: и в батальных сценах Аустерлицкого и Шенграбенского сражений, где, вглядываясь в лица солдат и артиллерийского капитана Тушина, видя такого негероического внешне Кутузова, мы отчетливо понимаем мощь силы в душе русского народа, до поры до времени скрытые, но когда они вырываются на поверхность, это — как взрыв, и остановить их нельзя. Эти силы — источник русской храбрости, до сих пор многими иностранцами именуемой «загадочной».

А «мирные» сцены? Стоит вспомнить хотя бы один эпизод — последний во второй серии — сцену охоты на волков и затем вечер в гостях у дядюшки и пляску Наташи. Вся атмосфера эпизода — настоящая, русская, прелестная Наташа в строгом черном платьице и ее движения, «те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские», те самые, которые нельзя подделать, а можно лишь взять из того русского воздуха, которым дышишь, — все передано тонко, точно, все создает обаяние этой поэтичнейшей сцены. Все говорит о том, что герои Толстого — и не только Наташа — «умели понять то, что было в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке».

«Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну», — писал Максим Горький. В этих словах — признание Льва Толстого как величайшего из национальных писателей России. Думается, что фильм Сергея Бондарчука тоже глубоко национальное явление искусства.

В. ИВАНОВ, профессор.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ФЕСТИВАЛЬ — ПОДДЕРЖКА НАШЕЙ БОРЬБЫ

КИНОИСКУССТВО Демократической Республики Вьетнам представлено на фестивале художественным фильмом «Молодой солдат» и двумя документальными лентами. Наш корреспондент О. Сальников встретился с главой делегации ДРВ, заместителем начальника главного управления кинематографии республики товарищем Хо Ван Лаем и попросил его поделиться своими мыслями в связи с фестивалем.

— Чем интересен для вас как кинематографиста нынешний фестиваль?

— Я был в Советском Союзе, когда здесь проводился Второй кинофестиваль, и вижу, как выросло сейчас число стран-участниц и зрителей. Авторитет московских смотров, несомненно, растет. И что особенно ценно — расширяются возможности для обмена опытом и идеями между деятелями экрана самых различных стран. Нас, в частности, очень заинтересовала дискуссия «Кино и зритель». Она ставит важные и актуальные вопросы.

Я как член жюри короткометражных фильмов в известном смысле «неравнодушен» к ним, — улыбается наш собеседник. — мне кажется, проблемы короткометражных фильмов, которые занимают преимущественное положение в странах, где кинематограф только зарождается, заслуживают самого пристального внимания. Это — мощное орудие пропаганды, просвещения и воспитания людей, и его надо совершенствовать.

— Каковы основные задачи развития киноискусства в ДРВ?

— Перед нашим киноискусством стоит сейчас двойная задача. С одной стороны, оно помогает нашему народу строить новое, социалистическое общество, с другой — играет активную роль в разоблачении и отражении американской агрессии. Мы привезли с собой документальный фильм о подвиге героя вьетнамского народа Нгуен Ван Троя, расстрелянного американскими палачами и их марионетками. Всем известно, как, рискуя собственной жизнью, наши кинооператоры работают в районах, подвергающихся американским бомбардировкам. Но, несмотря на трудности, мы из года в год продолжаем увеличивать выпуск художественных и короткометражных фильмов.

В этих условиях нынешний кинофестиваль имеет для нас большое значение. Здесь, в Москве, мы не только обмениваемся профессиональным опытом, мы вновь ощущаем братскую солидарность советского народа с нашей борьбой, чувствуем поддержку всех честных людей мира.

АНГЛИЯ

ЛЮДИ В ТРЕВОГЕ

ТРУДНО сопоставить и по эстетической значимости, и по идейной наполненности, а тем более по стилистике те несколько фильмов, что представляют на фестивальном экране сегодняшнюю английскую кинематографию. Слишком непохожи они друг на друга, слишком очевидна разность взглядов авторов на мир, их ощущения своего времени, разность позиций в искусстве. И между тем все-таки эти фильмы имеют одну общую черту: они наводят на размышления, заставляют думать. Они отмечены поисками цельных ответов на многие нерешенные вопросы жизни.

У фильма «Мост через реку Квай» (режиссер Дэвид Лин), показываемого вне конкурса, есть своя сложившаяся и вполне отличная «биография», созданная зарубежной прессой и зрителем. Казалось бы, все просто. То, что стало каноном или классикой, неизменно рождает более уравновешенное отношение. И тем не менее именно эта картина вызывает значительно более острую, чем другие, и, скажем сразу, беспокойную реакцию, обусловленную, конечно, прежде всего самой актуальностью избранной проблематики. Авторы картины исследуют вопрос о войне и мире, о судьбе и долге в крупных и драматических коллизиях и поворотах истории. Но, убеждая и даже покоряя подчас силой и выражением своих идей, доказательностью своего художественного анализа, это произведение во многом и, пожалуй, в основном, вызывает спор.

Обаяние этой большой кинематографической ленты — в ее удивительной художественной простоте и ясности. И название-то у нее естественно жизненное, почти документальное. Художники не мудрствуют ни в чем, они предельно откровенны — и в постановке проблем, и в их образном раскрытии. Избегая модных кинематографических метафор, недосказок и символов, авторы смело идут на резкое и прямое определение явления, сразу «приступают» к сути идеи и образа. В резко очерченных контурах сразу возникают на экране три фигуры, три судьбы, три идеи: англичанин полковник Никольсон — олицетворение благородства, чести и долга своего народа, простоватый парень американец Шиэз, трезво оценивающий жизнь и весьма зараженный житейским эпикурейством, аскетичный комендант лагеря — типичное порождение японского милитаризма. Все эти люди, их страсти, поступки, мысли сталкиваются в острой борьбе. И мы упорно следим за этой человеческой схваткой, за которой стоит сама жизнь, реальные события минувшей войны. Густо замешаны образы и действия в целом! Но во имя чего? Зачем бросили авторы на весы все эти силы, столь же достоверные, сколь и противоположные? И за кем из них правда и жизнь, а потому победа и будущее? Ответ приходит не сразу, ибо за первым нашим открытием характеров героев следует и другое, не менее поразительное.

Вдруг все, в чем нас только что убедили авторы, рушится, опровергается. Происходит удивительное превращение, переоценка всех ценностей. Благородство и преданность долгу англичанина Никольсона оборачивается предательством, изменой отчизне. Во имя сохранения духа армии, некоего творческого гения своего народа полковник возводит мост, — прекрасное творение разума и рабочих рук Англии. Но служить этот мост будет врагу: по нему пройдут эшелоны, несущие англичанам смерть.

Неожиданна новая нравственная оценка других героев, хотя их характеры остаются неизменными — чувство самосохранения, ординарный эгоизм Шиэза приводят его к настоящему подвигу (в трудной операции им обеспечен взрыв моста), а комендант лагеря, профессией которого давно стало уничтожение людей, на наших глазах побеждается правдой полковника Никольсона. Насилие обезоруживается величием духа: убийца других готовится к собственному самоуничтожению. Очень детально рассказывают обо всех этих метаморфозах авторы.

Но чем более стремятся они к доказательству своих идей, тем более теряют наше доверие и, как ни странно, вступают в противоречие с самими собой. Когда из эпизода в эпизод на экране вырисовывались три разные фигуры героев, мы поверили в то, что все они — порождение своей эпохи, своего народа: в них олицетворились болезни и свойства сформировавшего их общества. В этом была сила и правда жизни, а потому и правда искусства. Но этой правды и силы гораздо меньше во «второй жизни» героев, которая нужна авторам для доказательства своей главной идеи, отнюдь не рожденной в недрах истории, в глубинах жизни.

Догадка о сокровенной идее фильма приходит довольно рано. Война — это безумие и мираж, все в ней смещено, призрачно, относительно, все поставлено под сомнение и может легко обернуться своей противоположностью. Вот сквозной и довольно навязчивый, часто повторяемый лейтмотив картины. Подобный подход к явлениям и жизни, к анализу человеческого поведения и характеров никак не назовешь историческим. Ведь ставятся под сомнение вообще какие-либо законы общества. А между тем характер и условия войны, а отсюда и поведение людей — отнюдь не отвлеченные моральные категории добра и зла, не просто ужас, безумие и смерть. Они неизбежно отмечены печатью времени и общества, их породивших. И в тех случаях, когда авторы следуют этой правде жизни, они создают великолепные художественные эпизоды, изменяя ей, они оперируют схемой и дидактикой, переходят к прямому насилию над живыми человеческими характерами.

Картина «Проклятые», поставленная Джозефом Лози, так же как и фильм «Мост через реку Квай», открывается маршем. Идут англичане, но шагают уже по своей земле, и довольно твердо, уверенно, бодро.

Кадр из фильма «Дорогая».

И чем больше прислушиваешься к этому новому маршу, тем более становится не по себе. Как неузнаваемо изменилась поступь молодого англичанина, как непохож этот наш современник на своих сверстников времен войны! На экране — «тедди-бойз», испорченные мальчишки, поколение, судьба которого тревожит Англию. Эта тревога очень живо передана фильмом зрителю. Она во всем — в резкости звуков, в напряженной ритмике диалога и монтажа, в угловатых контурах лиц, фигур и событий. Но рядом с этой тревогой, уже знакомой нам по многим другим картинам о юнчестве современного Запада, зреет в фильме другая, куда более основательная и серьезная. Это тревога за будущее мира, за угрозу разрушения человека ядерным веком. Трагична история, рассказанная с экрана. Во имя призрачной идеи спасения человечества — попытки подготовить из людей «стойких к разрушительному воздействию радиации особей» — обрекают на чудовищные опыты детей, изолируют их от жизни, заживо погребают. Сцены физического и нравственного истязания малолетних не могут не возбуждать боли и гнева, активного нашего протеста. Они направлены против всех, кто готовит человечеству атомный ужас. Душераздирающим воплем детей о спасении, несущимся из заточения, обрывается, именно обрывается, а не заканчивается фильм «Проклятые». У такого сюжета нет и не может быть благополучного конца, пока сама жизнь не приостановит действия убийц. Такова финальная мысль фильма. Его общий гражданский пафос неоспорим.

Но, отдавая должное искренности художников, их благородным гражданским чувствам, нельзя скрыть от них и некоторого нашего разочарования. Казалось бы, фильм «врезается» в самую глубокую борозду жизни, открывает самые болезненные раны! А нас не покидает ощущение некоторой его облегченности. Какая-то поспешная злободневность вместо серьезной и реальной актуальности, нечто вроде сочинения на тему, а не углубление в нее. Авторы ухитряются обойти наиболее острые и подлинно-драматические узлы реальной действительности. Кто и что стоит за страшным преступлением, о котором так подробно живописуется в фильме? Можно строить только догадки — то ли «военные», то ли «ученые», то ли сразу и те, и другие, то ли вовсе кто-то третий, стоящий за ними. Картина без точного адреса, социального, политического, морального. Это призыв к человечеству и современности вообще, который весьма ослаблен своей «общностью». А силы войны и мира, реакции и прогресса весьма определенно дифференцированы в жизни. Этого не могут не видеть и не знать художники, если они хотят быть до конца правдивыми и стремятся к общественному резонансу своего творчества.

В конкурсное соревнование фестиваля английская кинематография включилась фильмом «Дорогая» (режиссер Джон Шлезингер), работой, несомненно, зрелой и профессионально точной. Авторы свободно и легко владеют живописным материалом и цепким своим ремеслом. Круг их идей и вкусов, вся образная система фильма — вполне на уровне современного кинематографа. Не отстают они и в другом — в стремлении к исследованию человека и своего века, к определению его пороков. Именно этому стремлению обязан появлением на свет сюжет картины. Детально и довольно увлеченно рассказывают художники о судьбе женщины, рожденной для счастья и обреченной на одиночество. Объяснение этому парадоксу, весьма типичному для буржуазного Запада, авторы справедливо ищут в самих условиях жизни, они часто беспощадны и ироничны по отношению к показываемой ими действительности. В фильме дан довольно широкий разрез английского общества, которое равнодушно к человеку и способно мимоходом убить в нем все искреннее и живое. И хотя многое из показанного отнюдь не ново для зрителя, видавшего картины и пострашнее, тем не менее мы благодарны авторам фильма за их трезвый реализм. Да, несомненно, снова перед нами художники, думающие и пытливые. Но именно поэтому необходимо сказать им всю правду до конца. Это нисколько не умалит достоинств создателей фильма, а тем более великолепной актрисы Джули Кристи, психологически точно сыгравшей свою роль.

Наблюдая за действием, происходящим на экране, поначалу с чувством ожидания чего-то свежего и оригинального, а потом более просто, с любопытством, нас не перестает беспокоить вопрос: а не пустоват ли сосуд, столь любовно сконструированный художниками и не менее любовно преподносимый зрителю?! Милое создание обречено на непонимание и тоску, но не в силу ли собственной ординарности, пустоты, примитивности?! Единственно сильное и привлекательное в героине — это ее неистребимая жизнеустойчивость. Но и она в общем объясняется жаждой примитивных удовольствий и стремлением к благополучному самоустройству. И возникает подозрение: может быть, героиня столь одинока потому, что слишком черства, цинична и мертва ее душа? Трудно долго и всерьез сочувствовать обывателю! А именно на это, к сожалению, в конце концов обречен зритель фильма «Дорогая». Фильм, несомненно, вызывает ассоциации с картиной «Сладкая жизнь», однако, еще более — с многочисленными ее подражаниями.

Н. КОКОРЕВА.

СЕРЬЕЗНАЯ ШКОЛА

НЫНЕШНЯЯ московская встреча не только сближает деятелей искусства разных стран. Она сближает их в неизмеримо большей степени, чем любой из «модных» кинофестивалей на Западе. Здесь показывается особенно много прогрессивных фильмов. А ведь именно они лучше всего помогают людям понять друг друга.

Для нас Московский фестиваль — серьезная школа. Здесь можно и поучиться, и обменяться опытом. Мы непосредственно заинтересованы в этом, ибо наше киноискусство из года в год развивается. Расширяется производство фильмов, круг зрителей, строятся новые кинотеатры. Первый в Монголии широкоэкранный кинотеатр «Арад» («Народ») возводится сейчас в Улан-Баторе.

Одна из гарантий наших успехов — сотрудничество с деятелями советского экрана. К 50-й годовщине Октября совместно с Центральной студией документальных фильмов мы уже снимаем документальную картину. Она рассказывает о строительстве с помощью социалистических стран новой жизни в Монголии.

Фестиваль подошел к концу. Сегодня подводятся его итоги. Но главное ясно уже сейчас. Он добился нового большого успеха.

Ламаджавбийн ВАНГАН, руководитель студии «Монголкино», член жюри короткометражных фильмов на Московском кинофестивале.

КУБА

«ОДИН ДЕНЬ В МОЕМ ДВОРЕ»

КУБИНСКИЙ ФИЛЬМ «Один день в моем дворе» (режиссер Эдуардо Манет) — по форме музыкальное ревю. Обаяние его — в непринужденной, раскованной стихии цвета, кубинских песен — то тоскливых, то зажигательно-веселых, и, конечно, танцев — задумчивых, страстных, заразительных (балетмейстер Альберто Алонсо).

До сих пор мы видели на экране большей частью те кубинские фильмы, которые рассказывали нам о борьбе кубинского народа за свободу. Сейчас нам показали мирную жизнь Кубы, Кубы веселой, жизнерадостной, той Кубы, которая так любит танец и песню. Фильм этот сделан профессионально, так что судить о нем мы имеем право без всяких скидок «на молодость» кинематографии.

И все-таки жанр несколько «отодвинул» картину от реальной жизни. Она, эта жизнь, вошла лишь намеком в финал картины. День, которого мы стали свидетелями, похож на предыдущие, но... не совсем. И не потому, что под вечер умолкли ссоры, уснула глупая ревность и влюбленные наконец соединились. А потому, что вместе с прохладой вечер принес потрясающую новость: скоро, скоро эти тесные дома, двор, кухоньки будут разрушены, и все обитатели переедут в новые светлые просторные квартиры. Хотелось бы, чтобы это дыхание новой, трудовой жизни сегодняшней Кубы в фильме было более ощутимым...

Н. ПЕТРОВА.

Главный редактор Д. Г. БОЛЬШОВ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ЗВОНИТЕ НАМ: в секретариат редакции К 7-38-22; в отдел информации К 7-69-05; в отдел коммунистического воспитания Б 7-29-09 и Б 7-16-24; в отдел театра К 7-97-64 и К 7-91-43; в отдел музыки и эстрады К 7-14-71; в отдел изобразительного искусства Б 7-18-28; в отдел кино К 7-40-16 и Б 7-11-84; в отдел телевидения Б 7-18-23; в отдел издательства, полиграфии и книжной торговли К 7-33-48; в отдел писем Б 7-11-13; в иностранный отдел К 7-36-67 и К 7-40-71; в отдел оформления К 7-37-73.
Телефон издательства — К 7-28-10; бухгалтерия — К 7-97-83.

ИНДЕКС 50119.

Б01747. Зак. № 2050.

Типография газеты «Гудок». Москва, ул. Станкевича, 7.